

САМИНА
ШУМЯКОВА

Колибри

ТЕКСТ СОЗДАН
С ПОМОЩЬЮ ИИ

Самина Шумякова

Колибри

<https://litres.ru/74316538>

SelfPub; 2026

Аннотация

Во времена моего рождения мало кто мог иметь вторую ипостась, и я была как раз одной из немногих. Мое имя Ю На, и моя вторая ипостась – колибри. И если иметь вторую ипостась в принципе редкость, то быть колибри – ещё большая редкость, которая чревата вечным бегством от охотников, желающих заполучить себе такого человека в собственность.

ТЕКСТ СОЗДАН С ПОМОЩЬЮ ИИ: идея, персонажи и мир авторские. Вычитка – авторская.

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Самина Шумякова

Колибри

Пролог

Меня зовут Ю На. И я не совсем человек. Вернее, я человек, но лишь наполовину, лишь в одной своей сути. В другой же – я вспышка света, трепет сердца и радужное пятно на фоне неба. Я колибри. И если в этом мире родиться с двумя ипостасями – уже редкая случайность, то родиться колибри – это приговор, означающий навсегда остаться добычей, редким экспонатом в чьей-то частной коллекции.

Охотники не спят. Они никогда не спят. Они чувствуют нас, как волки чувствуют запах крови за много лиг. И за право обладать крылатой девочкой, способной в любой момент превратиться в крошечное чудо природы, они готовы продать свои души, а заодно и мою.

Всё началось не с криков и не с пожара. Всё началось с ветра.

Я часто вспоминаю ветер в горах Кымгансан. Это был не просто ветер – это был голос самой земли. Он шептал имена забытых духов, тех, что обитали в расщелинах скал и в корнях столетних сосен. Он пел старые легенды о любви и предательстве, о войнах, которые стирали города с лица земли, и

о хрупком мире, который наступал после. А ещё ветер всегда приносил запах дождя. Задолго до того, как небо успевало потемнеть. Задолго до того, как первая капля разбивалась о нагретые камни. Я родилась именно в такую ночь.

В ту ночь, когда мать в последний раз сжала мою крошечную ладошку, луна стояла очень низко. Она висела прямо над вершиной главной скалы, будто хотела заглянуть в окно нашей маленькой хижины на самом краю леса. И свет её был странным – не привычным серебристым, прохладным и отстранённым, а тягучим, золотистым и тёплым. Этот свет просачивался сквозь щели в стенах, касался моего лица, и старуха-повитуха, принимавшая роды, побледнела так, что стала похожа на призрак. Она дрожащими руками затянула пуповину и прошептала отцу всего одно слово: «Пыльца».

Он сразу все понял.

Старики потом говорили, что такие ночи случаются раз в сто лет, если не реже. В них, в эту золотую колыбель между мирами, рождаются те, кто не принадлежит ни небу, ни земле, ни людям, ни духам. Те, в ком кровь говорит на языке превращений. Те, чья вторая ипостась — не дикое животное, не хищник, не могучий зверь, а всего лишь птица.

Я не знала, что значит быть особенной. До поры до времени я была просто девочкой, которая бегала босиком по мокрой траве, собирала съедобные корни и до крови обдирала коленки о сосновую кору. Отец учил меня отличать лекарственные травы от ядовитых, мать учила меня тишине. Я

не понимала тогда, зачем мне нужна эта тишина – искусство дышать так, чтобы тебя не было слышно, искусство сливаться с тенями, искусство замирать.

Я поняла всё в день, когда мне исполнилось шесть лет.

Мы сидели у ручья. Отец чинил рыбацкую сеть, мать стирала бельё, а я, как всегда, вертелась рядом, гоняя стрекоз. Я не чувствовала ничего особенного. Никакой дрожи, ни предвестников бури. Просто вдруг солнце ударило в воду так ярко, что я зажмурилась, а когда открыла глаза, мир перевернулся. Я посмотрела вниз, на своё отражение в воде, и увидела не себя.

Я увидела тень.

Моя тень на влажных камнях не была чёрной. Она переливалась алым, глубоким синим изумрудом, как крылья редких бабочек, которых ловят в южных провинциях. А потом она начала дрожать. Не от ветра, и не от моей собственной дрожи. Она вибрировала на собственной частоте, рассыпаясь на тысячи крошечных искр, будто кто-то разбил зеркало, в котором я отражалась. Эти искры взметнулись вверх, закружились в золотистом столбе света, а затем начали собираться обратно. Но собирались они уже не в форму шестилетней девочки в грязном платье. Они собирались в форму птицы.

Это длилось всего одно мгновение, как вдруг я почувствовала, что моё тело становится невесомым, а кости превращаются в тонкие, полые трубочки. Моя кожа покрылась милли-

оном мельчайших перьев, а руки исчезли, становясь крыльями, которые бьются с частотой, недоступной человеческому глазу. Я видела мир иначе – огромным, размытым, но в то же время кристально чётким. Я чувствовала движение воздуха вокруг каждой травинки.

Испуг отца был диким, животным страхом. Он выронил сеть и схватил меня за плечи – уже снова меня, в человеческой ипостаси. Мое превращение длилось не больше трех секунд, но этого времени хватило, чтобы я увидела в его глазах самый настоящий ужас.

– Они слышали, – прошептал он побелевшими губами.
– Духи земли слышали всплеск. А за ними придут и охотники.

И он оказался прав – они пришли в нашу деревню в тот же вечер.

Я не видела их лиц. Мать завесила окна плотными циновками и заставила меня сидеть в углу, закрыв глаза. Но я слышала их. Слышала, как по деревенской улице ритмично и уверенно стучат кованые сапоги – не как у простых путников. У них был шаг хищников, которые знают, что добыча в загоне. Я слышала, как они переговаривались между собой на гортанном наречии северных земель. Они не спрашивали. Они не стучали в двери. Они не просили разрешения. Они просто шли по следу, который тянулся за мной с самого моего рождения – невидимая нить, сплетённая из сырой магии и липкого, как смола, страха.

Я приоткрыла ладони, которым закрывала лицо и увидела, как отец бросил взгляд полный боли на мать. Ни сказав ни слова, он поднял половицу у очага и открыл сундук, хранившийся там все это время.

— Ю На, — голос его не дрогнул, хотя руки тряслись. — Ты залезешь туда. И ты будешь молчать. Не как девочка, а как колибри, когда она замирает между взмахами крыльев.

Я не понимала, что происходит. Я была слишком мала, чтобы осознать смерть. Но материнский запах трав, отцовская рука, которая мягко, но непреклонно толкнула меня в темноту сундука — всё это отпечаталось в моей памяти, как раскалённое клеймо. Крышка захлопнулась и тьма окружила меня. Я слышала, как отец задвинул половицу обратно. И наступила тишина.

Но не та тишина, в которой поют сверчки. Это была тишина ожидания. Мёртвая, ватная, давящая на уши.

Я затаила дыхание и успокоила свое сердцебиение. Заставила его биться так редко, так тихо, что, казалось, оно вот-вот остановится.

Я не знаю, сколько это длилось. Может быть, час. Может быть, вечность. Но вдруг сверху, сквозь деревянный настил, донёсся звук открывающейся двери. И голос. Чужой. Холодный. Он сказал всего одну фразу, но я запомнила каждую интонацию:

— Ты знаешь закон, старик. Отдай нам её, и мы уйдём.
Отец не ответил. И тогда началось то, что я бы хотела сте-

реть с памятью и никогда больше не вспоминать...

Я слышала, как кричала моя мать. Как отец кидался в драку, пытаясь защитить порог нашей хижины. Я чувствовала, как пахло железом и как хрустело дерево, ломающееся под ударами. Я закрыла уши руками. Трусливо спряталась в своём маленьком мире, под половицей, в сундуке, который пах полынью и мятой. Я считала удары собственного сердца, чтобы не слышать того, что происходит снаружи. Но все равно все слышала.

А потом... наступила тишина. Настоящая, всеобъемлющая, страшная тишина.

Я ждала. Ждала до тех пор, пока золотой лунный свет, пробиваясь сквозь щели, не начал бледнеть, уступая место серому предрассветному сумраку. До тех пор, пока мои пальцы не онемели от неподвижности, а ноги не затекли. И когда я уже не могла больше выносить этой духоты и молчания, я толкнула крышку сундука, из последних сил приподняла половицу и выползла наружу.

Дом был пуст.

Я звала отца, звала мать. Но никто не ответил. Мой голос разбился о стены, которые вдруг показались мне такими чужими, такими холодными. В очаге догорали угли, на полу валялась опрокинутая миска с рисом, а у порога лежал охотничий нож отца, сломанный у самой рукояти.

Их не было. Охотники ушли. Но они забрали не меня. Они забрали всё, что у меня было.

Я вышла на крыльцо. Мои ноги подкашивались. Ветер в горах Кымгансан всё ещё дул, но теперь он не пел легенды. Он выл. Он оплакивал ту маленькую девочку, которая вышла из сундука уже не ребёнком.

Я стояла на пороге, сжимая в кулаке горсть земли, смешанной с пеплом, и смотрела на уходящую вдаль дорогу. Охотники ушли на север. Их следы были видны на влажной утренней траве.

Именно в тот момент, в шесть лет, я поняла главный закон этого мира: мои крылья — это не дар. Это проклятие, за которое платят кровью близких. Которое невозможно сбросить, как старую кожу, и которое невозможно спрятать, потому что оно сияет внутри тебя, как тот золотой лунный свет. Я стала беглянкой и охотничьей дичью, за которой будет вечно тянуться невидимая нить, сплетённая из магии и страха.

С тех пор я бегу. И продолжаю бежать уже десять лет. Через горы, через реки, через города и глухие деревни. Я меняю имена, стригу волосы, учусь не смотреть в глаза чужакам слишком долго. Но я знаю, что однажды нить натянется, и они снова придут за мной.

Потому что в мире, где мало кто может иметь вторую ипостась, колибри — это самый сладкий трофей. И охотники не успокоятся, пока не поймают меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.